

made. The article concludes why the results of the trip were significantly different from the original plan.

Keywords: Konstanz Council, Sigismund I, Hundred Years War, travels to the Middle Ages

DOI 10.26170/vvi18-01-17

Код ВАК 07.00.02; 10.01.01

А. И. Попович

«БОЛЕЗНЬ СЕРДЦА» В «СКАЗАНИИ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЖЕРТВЕННОЙ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

В статье предлагается использовать подход, принятый при изучении истории эмоций к исследованию жертвенной модели поведения в памятниках Борисоглебского цикла XI–XII вв. Формулируется специфика образного раскрытия эмоций в тексте, а также ставится вопрос о причинах эмоциональной и исторической обусловленности такого поведения.

Ключевые слова: святые Борис и Глеб, «Сказание о Борисе и Глебе», история эмоций, жертвенность, модель поведения.

История эмоций – одно из наиболее перспективных современных направлений в изучении русской культуры, язык и предметные границы которого только формируются³⁶⁹. Хронологических ограничений для исследований подобного рода нет, и они могут оказаться продуктивными и в отношении русской средневековой культуры³⁷⁰.

«Эмоциональный поворот» во многом отражает общий антропоцентризм историко-филологической науки и извлекает прекрасный материал для изучения и многоуровневого описания чувственного мира, формирующего разнообразные модели поведения, актуализация которых имела свои особенности на разных исторических этапах. Для этапа становления древнерусской культуры (XI–XII вв.) в памятниках Борисоглебского цикла выделяется интерес книжников к так называемой жертвенной модели поведения. Братья делают нравственный вы-

Попович Алексей Игоревич, студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51), кафедра русской и зарубежной литературы.

Popovich Alexey, student of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51), the Department of Russian and Foreign Literature.

Телефон/Phone: +7 (904) 383-66-09. Электронная почта/E-mail: alexeypopovich@mail.ru.

³⁶⁹ См. новейшее обобщающее исследование истории эмоций: Плампер 2018.

³⁷⁰ Интересно, что в одном из последних коллективных исследований истории эмоции нет работ, посвященных эмоциям в допетровской России (Российская империя чувств).

бор в пользу самопожертвования и непротивления злу насилем, становясь таким образом объектом конструирования принципиально новой для того времени модели поведения, если угодно, «нового человека»³⁷¹.

Эмоциональная сторона такого выбора, несомненно, важна, и исследователи текстов, посвященных Борису и Глебу, в разных контекстах так или иначе касались тех или иных ее составляющих³⁷². При изучении истории эмоций нужно учитывать жанровую принадлежность памятников, поскольку именно от жанра зависит их наполнение и авторская установка. В этом смысле наиболее насыщен эмоциями текст «Сказания о Борисе и Глебе», создателям которого важно передать чувства и переживания самих героев³⁷³; ему и посвящена настоящая работа.

В отдельном комментарии нуждается неизбежно возникающее противоречие между так называемым «литературным этикетом»³⁷⁴ и подлинной, ненамеренной эмоциональностью, имеющей не художественное, а практически ориентированное основание. Действительно ли молитвы Бориса и Глеба отличаются лишь «чисто этикетным характером», а «искусственность коллизий» воспринималась читателями только как «деталь житейного ритуала»³⁷⁵?

Отбор нравственных качеств и связанных с ними эмоций и национальная специфика жертвенной модели поведения взаимопределяют друг друга. Художественно оформленное чувство³⁷⁶ может не только отражать эмоциональную культуру людей того времени и воздействовать на формирование определенного ее типа у читателя и, что особенно важно, массового слушателя, поскольку основной способ восприятия агиографических текстов – церковная служба, но и представлять собой ритуальное или символическое действие – своеобразный стержень, без которого немыслима реализация модели поведения.

³⁷¹ Термин, не раз употреблявшийся применительно к этому периоду. О «новом сознании» Киевской Руси см.: Вагнер 1995; об «антропоцентризме» монументального историзма см.: Лихачев 1958.

³⁷² Одним из первых о высоком значении для художественности «Сказания о Борисе и Глебе» эмоциональной составляющей заявил В. Н. Топоров: Топоров 1995: 491–494; авторскую установку на эмоциональность текстов и способы ее создания исследовал А. С. Демин: Демин 2009: 34–37, 99–111, 291–299; нельзя не упомянуть и исследований А. М. Ранчина, объединенных в кн.: Ранчин 2017.

³⁷³ Авторской риторической организации текста «Сказания» посвящена работа: Lunde 2006.

³⁷⁴ Термин, введенный Д. С. Лихачевым для характеристики авторской установки на традиционность при создании текста. См.: Лихачев 1979.

³⁷⁵ Цит. по: Творогов 1980: 55.

³⁷⁶ Разница между понятиями «чувство» и «эмоция» не так принципиальна для исследований такого рода.

Парадоксальная жертва Бориса и Глеба выступила воплощением христианской аксиологии на Руси XI–XII вв. В отличие от доблестной смерти на бранном поле или трагической преждевременной – от руки убийцы, христианская добровольная жертва направлена к Богу и является воплощением любви как высшего проявления религиозности христианина.

Эмоциональная природа любви очевидна. **«Боязни въ любви нѣсть, съвършенная любви вьнь измещеть страхъ»³⁷⁷**, – объясняет Борис свою парадоксальную любовь к Святополку, собирающемуся его убить. Любовь Бориса противостоит страху смерти и объективируется самим Богом, к нему он обращается с просьбой обратить внимание на «болезнь сердца»: **«Призьри съ высоты святыя Твоея, вижь болъзнь сьрдьца³⁷⁸ моего, юже прияхъ отъ сьрдьника моего, яко Тебе ради умьрщвляемъ есмь вьсь день»³⁷⁹**.

Борис переживает это в том числе и по вине Святополка. Важно, что сам Святополк, осмысливая содеянное, испытывает нечто подобное, когда пытается представить себе, что произойдет, если он не продолжит цепь своих преступлений: **«Буду чюжь престола отца моего, и жалость землѣ моя сьнѣсть мя, и поношения поносящихъ нападутъ на мя, и княжение мое приметъ инь, и въ дворѣхъ моихъ не будетъ живушааго, зане его же Господь възлюбилъ, а азъ погнахъ и къ болъзни язву приложихъ»³⁸⁰**.

Святополк убежден не только в безвыходности и предопределенности своего положения – **«обаче и матере моя грѣхъ да не оцѣстится»³⁸¹** – но и в том, что Господь не сможет его простить, поскольку он любит только таких нравственно совершенных людей, как Борис и Глеб. Святополк одержим этой греховной (и даже отступнической) идеей, которая приводит его к преступлению и отказу от любви. Подлинная «язва» Святополка – это зависть³⁸² к братьям. И завидует он не тому, что братья были более любимы отцом – Владимиром – и будто имели больше прав на княжескую власть, а их нравственным качествам, а значит, и недоступным ему переживаниям: любви к Богу и ближнему.

В своей предсмертной молитве Борис говорит: **«Слава Ти, Господи, о вьсемь, яко съподобилъ мя еси зависти ради прияти сию**

³⁷⁷ Абрамович 1916: 30. Ср. ниже высказывания Святополка, боящегося лишиться власти.

³⁷⁸ Здесь и далее курсив наш – А. П.

³⁷⁹ Абрамович 1916: 36.

³⁸⁰ Там же: 38–39. Подробнее об этом месте см.: Дмитриева 2010.

³⁸¹ Абрамович 1916: 39.

³⁸² Подробнее о феномене зависти, в т. ч. и ее эмоциональной природе см.: Донцов 2014. Специфика чувства вины у Святополка может стать объектом отдельного исследования.

горькую съмърть и все престрадати любьве ради словесе Твоего»³⁸³. Повтор слова «ради» несет на себе не только художественную и синтаксическую функции, но и функцию противопоставления – любовь божественного происхождения противопоставит зависти Святополка: книжники указывают, что она внушена сатаной. Таким образом, они осваивают важную мысль о «правильных» и «неправильных» эмоциях, в конечном счете, формулируя *допустимое* жертвенное поведение через утверждение особой эмоциональной культуры³⁸⁴. Не случайно, что Борис с радостью вспоминает слова Христа: **«иже погубити душу свою Мене ради и моихъ словесъ, обрящети ю, въ животѣ вѣчьнѣмъ съхранитю»³⁸⁵.**

При этом выделение доминантных эмоций жертвенности происходит не без своих трудностей³⁸⁶. Тексты фиксируют сложности поисков эмоциональной культуры на стыке христианской и языческой эпох. Если Борис словно бы от рождения пребывает с мыслью о силе любви, то Глеб испытывает смешанные чувства и просит у брата, предстоящего перед Богом: **«Моли о моемъ унынии, да быхъ азъ съподобленъ ту же страсть въсприяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прельстьнѣмъ»³⁸⁷, «вижъ скърбь сѣрдьца моего и язву душа моя, вижъ течение слъзь моихъ, яко рѣку, и никто же не вънемлетъ ми, – но ты убо помяни мя и помолися о мнѣ къ обще-му Владыцѣ»³⁸⁸.**

Таким образом сходство переживаемого тремя братьями опыта очевидно (на это наталкивает сам язык описания: болезнь/язва души/сердца³⁸⁹), при этом он имеет явно чувственную природу. На христианской эмоциональной оси уныние, переживаемое Глебом, находится где-то посередине между абсолютно положительным чувством любви и крайне осуждаемым чувством зависти, хотя и ближе к последнему, поскольку христианство относит и то и другое к грехам. Слово «уныние» само связано с переживанием болезни (ср. «ныть») и на праславянском уровне соотносится с реконструируемым словом *naviti*, а следовательно, и со связанным с ним значением ‘мучить, гу-

383 Абрамович 1916: 34.

³⁸⁴ Не путать с аффективным поведением, для которого характерен непредсказуемый результат.

³⁸⁵ Абрамович 1916: 31.

³⁸⁶ Само слово «жертвовать», вероятно, воспринималось иначе, чем сегодня. Ср., как это делает, напр., прот. Г. П. Флоровский: «Приносить жертву не значит только жертвовать. Даже с чисто нравственной точки зрения весь смысл жертвы заключается не в отречении, но в жертвенной силе любви» [прот. Флоровский] – в той же эмоциональности.

³⁸⁷ Абрамович 1916: 40.

³⁸⁸ Там же: 42.

³⁸⁹ О наполнении понятий сердца и души в Древней Руси см.: Шайкин 2015.

бить³⁹⁰, что соотносится со смертью души (что в итоге и произошло со Святополком).

Глеб следует той же модели поведения, что и Борис, но с положительной оценкой жертвенности здесь не все однозначно, поскольку путь к ней для Глеба сопряжен с унынием, а для Бориса с тяжелой печалью: **«И бяше сънь его въ мнозѣ мысли и въ печали, крѣпцьѣ и тяжцьѣ и страшньѣ, како предатися на страсть, како пострадати и течение съконьчати и вѣру съблюсти, яко да и щадимый вѣнцьѣ приметь отъ руки Вседържителивы»**³⁹¹. В конечном счете, братья приходят к выводу, что добровольная смерть – единственный правильный путь, эмоциональным стержнем которого становится любовь, приобретающая подлинно ритуальный и символический смысл.

Это наводит исследователя на вопрос, на который пока невозможно дать ответ: могло ли в этот исторический период реализоваться с той же силой другое поведение с теми же подлинно христианскими эмоциями, и что помешало носителю эмоций – исторической личности или создателям художественного текста – обойтись без такой жертвы³⁹²? Можно предположить, что мы имеем дело с радикально понятым христианским долгом, вступившим в противоречие с долгом родовым (государственным)³⁹³ – и в итоге с индивидуальным выбором, сопряженным с человеческой чувствительностью.

В завершение нельзя не вспомнить, что древнерусские книжники не очень задавались вопросами догматики; исследователь древнерусского богословия приходит к выводу, что для Руси вообще было характерно обращение к сердцу³⁹⁴ и воле, нежели к интеллекту³⁹⁵. Неслучаен вопрос книжника, обращенный к читателю: **«Кѣто не почюдиться великууму съмирению, кѣто ли не съмѣрится, оного съмѣрение видя и слыша?»**³⁹⁶. Подобные обращения к явно нерациональной сфере человеческого сознания показывают, насколько индивидуализированный характер получает жертвенность Бориса и Глеба (и вообще образ русского святого) на ранней стадии христианства на Руси, смирение при этом оказывается ключевой чертой, которая, по авторскому определению, не может не вызывать восхищения. Моделирование такого поведения определялось не столько областью собственно богословия, сколько эмоциональным, но сознательным худо-

³⁹⁰ См.: Этимологический словарь славянских языков: 66–67.

³⁹¹ Абрамович 1916: 33.

³⁹² В дальнейшей литературной традиции жертвенная модель будет значительно скорректирована, отчасти в силу действия общего закона медиации. См.: Ахиезер 1998.

³⁹³ Об этом см., напр., исследование историко-культурной динамики понятия долга: Маслов 2009. Ср.: Бибихин 1994.

³⁹⁴ О религиозно-мистической «философии сердца» см.: Вышеславцев 1929.

³⁹⁵ Подскальски 1996: 454.

³⁹⁶ Абрамович 1916: 37.

жественно-эстетическим обращением к сфере сердца и его переживаниям («болезням»), что отразилось на памятниках древнерусской литературы.

Список источников и литературы

- Абрамович 1916** – Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг. : Отделение рус. яз. и словесности Акад. наук, 1916.
- Ахиезер 1998** – Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
- Бибихин 1994** – Бибихин В. В. Власть России // Новая Юность. 1994. №1. URL: http://www.bibikhin.ru/vlast_rossii (дата обращения: 05.03.2017).
- Вагнер 1995** – Вагнер Г. К. К вопросу о новом сознании Киевской Руси X-XII веков // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М.: Наследие, 1995. С. 16–23.
- Вышеславцев 1929** – Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике. Париж : YMCA PRESS, 1929.
- Демин 2009** – Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы / отв. ред. В. П. Гребенюк. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Дмитриева 2010** – Дмитриева Е. Г. Изменения смысловой структуры глаголов эмоций в древнерусском тексте // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 14–19.
- Донцов 2014** – Донцов А. И. Феномен зависти. Homo invidens? М. : Эксмо, 2014.
- Лихачев 1958** – Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
- Лихачев 1979** – Лихачев Д. С. Литературный этикет // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е доп. М. : Наука, 1979. С. 80–102.
- Маслов 2009** – Маслов Б. П. От долгов христианина к гражданскому долгу (очерк истории концептуальной метафоры // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. М. : Языки славянских культур, 2009. С. 201–270.
- Плампер 2018** – Плампер Я. История эмоций / пер. с нем. К. Левинсона. М. : Новое лит. обозрение, 2018.
- Подскальски 1996** – Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб. : Византино-россика, 1996.

- Ранчин 2017** – Ранчин А. М. Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
- Российская империя чувств** – Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М. : Новое лит. обозрение, 2010.
- Творогов 1980** – Творогов О. В. Литература Киевской Руси. X – начало XII века // История русской литературы : в 4 т. Л. : Наука, 1980. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 19–61.
- Топоров 1995** – Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. М. : «Гнозис» ; Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. Первый век христианства на Руси.
- прот. Флоровский** – прот. Флоровский Г. В. Искупление. URL: <http://www.portal-slovo.ru/theology/37558.php> (дата обращения: 05.03.2018).
- Шайкин 2015** – Шайкин А. А. Дух, душа, сердце, ум в древнерусских текстах XI—XII вв. // Древняя Русь: пространство книжного слова. Историко-филологические исследования / отв. ред. В. М. Кириллин. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 108–131.
- Этимологический словарь славянских языков** – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 26. М. : Наука, 1999.
- Lunde 2006** – Lunde I. When the Devil Quotes the Psalms: On the Function of Reported Speech in the “Tale of Boris and Gleb” // Harvard Ukrainian Studies. 2006. No. 28 (1/4). P. 225–235.

Alexey I. Popovich

**“THE HEART DISEASE” IN THE “TALE OF BORIS AND GLEB”:
THE EMOTIONAL ASPECT OF SACRIFICIAL MODEL OF BE-
HAVIOR**

In the article it is offered to use approach of history of emotions to a research of sacrificial model of behavior in literary monuments of the Boris and Gleb’s cycle of 11–12th centuries. Specifics of figurative disclosure of emotions in the text are formulated, and the question of a reasons of emotional and historical conditionality of such behavior is raised.

Key words: saints Boris and Gleb; “Tale of Boris and Gleb”; history of emotions; sacrifice; model of behavior.